

УДК 82-13(=512.3)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-228-232

**«КРОВОЖАДНЫЕ» ЗАГОВОРЕННЫЕ СТРЕЛЫ
В ГЕРОИЧЕСКИХ ЭПОСАХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ**

© **Миягашева Суржана Борисовна**

кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8
E-mail: surjana.miyagasheva@imbt.ru

Исследование посвящено этнографической интерпретации мотивов о заговоренных стрелах в эпосах тюрко-монгольских народов. В результате привлечения ритуально-обрядового материала выявлена семантика «кровожадных» стрел, в которой зашифрованы представления об инициации охотника-воина, ритуалы обрядового «кормления» оружия и вселения боевого духа, называемого *сульдэ/илбис*. Подобная боевая ипостась находит аналогии с шаманской наследственностью *удха*, где данный термин имеет общие корни с названием стрел у тюрко-монгольских народов.

Установлено, что сюжеты оживления магического оружия (магии оборотничества) представляют собой отголоски архаической имитативной магии, нацеленной на неперенный успех в охоте и военных действиях. В целом определено, что промысловые обряды присутствуют в цикле военных ритуалов народов Центральной Азии и Южной Сибири.

Ключевые слова: улигер; заговоренное оружие; охотничье-промысловые обряды; сульдэ; дух войны.

«BLOODTHIRSTY» CHARMED ARROWS
IN THE HEROIC EPICS OF THE TURCO-MONGOLIAN PEOPLES

Surzhana B. Miyagasheva

Cand. Sci. (History), Research Assistant,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
8 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
E-mail: surjana.miyagasheva@imbt.ru

This study is devoted to the ethnographic interpretation of the motives of the charmed arrows in the epics of the Turkic-Mongolian peoples. The involvement of ritual reveals the semantics of the «bloodthirsty» arrows, in which the encrypted representation of the initiation of the hunter-warrior rituals the ritual of «feeding» weapons and instilling the fighting spirit, called *sulde/ilbis*. Such a combat hypostasis finds analogies with the shamanic heredity of the *udha*, where this term has common roots with the name of arrows among the Turkic-Mongolian peoples. It is established that the subjects of the revival of magical weapons are echoes of archaic imitative magic aimed at the indispensable success in hunting and warfare. In general, it is determined that fishing rites are present in the cycle of military rituals of the peoples of Central Asia and southern Siberia.

Keyword: uliger; enchanted weapons; hunting-trade rites; sulde; spirit of war.

Героический эпос является не только эпическим богатырским сказанием, но и представляет собой уникальный комплекс ритуалов и обрядов, мифологических представлений и народной мудрости. Эпосы составляли важный компонент духовно-обрядового и хозяйственно-бытового комплекса древнего коллектива. Испокон веков у бурят их исполнение носило ритуально-обрядовый характер и приурочивалось к какому-либо общественному событию. Улигеры поют (сказывают) для достижения разных благ, например для исцеления больных, для прозрения слепых, ради успеха в промыслах, на охоте, на облавах, во время ловли рыбы, улигер способствует успеху в походах [2, с. 14].

В данном аспекте заслуживает внимания один из известных мотивов героического эпоса, богатырских и волшебных сказок народов Сибири — заговор или заклинание стрелы. Заговор стрелы представляет собой жанр обрядового фольклора, в котором эпический монолог обращения героев к своему оружию служил в качестве заклинания [8, с. 74]. В эпическом действии богатырь обращается с заговором к стреле, чтобы наделить ее меткостью. Например, ойратский богатырь Бум-Эрдэни произносит: «Пусть попадет она в белый хрящ груди Кийтен Кеке Зеве, пусть попадет она в жилу его пестрого сердца, в главную кость, в жилистое сердце!». Затем стрела, пущенная богатырем с помощью произнесенного заговора, точно попадает в намеченную цель [4, с. 97].

Заговоренная стрела может выполнить разные поручения: герой указывает ей, куда лететь, в какое место поразить врага или его коня (в шею, глаз), что захватить с собой на обратном пути (перо Ханхан Хирдиг-птицы, ящик с душами мангусов — перепёлками) [11, с. 75]. В ряде эпосов стрела обладает свойством, дойдя до цели и совершив заданное, самой возвращаться обратно и входить в колчан [1, с. 55]. Волшебные стрелы, пущенные батором, способны облететь вокруг земли, они могут проложить путь по тайге, через горы [11, с. 75].

Стрелы эпических героев представляются живыми. Например, в героических сказаниях хакасов имеется описание сказочной стрелы с двойным наконечником *хосто*, которую описывали как дальнебойную, огнедышащую, настигающую врага и возвращающуюся обратно к хозяину. Ее называли «языкастое, зубастое живое *хосто*». В сказаниях хакасов также существовала волшебная девятиглазая черная стрела *ортахчин*, которой свойственно не только убивать, но и исцелять воинов. Носили ее, согласно легендам, в правом кармане боевой одежды [5, с. 193–194].

Героические стрелы обладают магией оборотничества и превращений. Так, улигерные стрелы из бурятских эпосов имеют способность превращаться то в ястреба, то в серого волка, то в сокола [9, с. 41]. Как отмечает Д. В. Цыбикдоржиев, стрела выступает как оборотень какого-то животного и, несомненно, звериные рудименты в образах стрел представляют собой отголоски архаического мотива [13, с. 22].

На наш взгляд, сюжеты оборотничества предполагали также и имитативную магию, основанную на принципе «подобное производит подобное», а в частности со способностями звериных персонажей. В данном случае можно привести в пример обычай хакасов, которые носили засушенную голову птицы сорокопуд

хуралдай вместе с охотничьим набором или просто привязанной к ружью. Перед тем как выйти на зверя, ее клюв три раза вставляли в ствол ружья и произносили заклинание: «Достигни зверя так же, как никогда впустую не падающий *хуралдай!*». Хакасы считали, что после такого магического действия ружье метко поразит зверя, так как хищная птица *хуралдай* никогда не промахивается при нападении на жертву [6, с. 101]. Вероятно, не случайно улигерные стрелы из бурятских эпосов имеют способность превращаться в зверей и птиц, отличающихся именно своей быстротой и меткостью в охоте.

Еще одним мотивом заговоренных стрел является ее кровожадный образ. Мотив кровожадности оружия и самого эпического богатыря встречается в фольклоре народов Сибири. В бурятских улигерах стрела воспринимается как кровожадное живое существо — она разговаривает, дает клятву верности, поет и просит угостить ее кровью. Например, в улигере «Алтан Гургалдай мэргэн» богиня Охин тэнгри изготавливает стрелу, взяв с нее девять присяг и девять клятв, и эта стрела не падает, пока не напьется крови врага. Попав в руки героя, стрела умоляет его: «Дай лизнуть хоть каплю крови, не дай на землю упасть», обещая служить ему и его потомкам. Воин подставляет ей свое бедро и, напившись крови, стрела становится его верным неумолимым оружием [13, с. 22]. У хакасов наравне со стрелами кровожадностью обладали копьё *чыда* — «кровью ненасытная, трехглазая, сороказубая кровавая *чыда*» [5, с. 190].

На наш взгляд, семантика образа кровожадной стрелы кроется в военно-охотничьих ритуалах, которые проявляются в окроплении кровью и магическом «кормлении» оружия. Подобные элементы встречаются в промысловых обрядах бурят. Неспроста заговоренные, бьющие без промаха стрелы героев западно-бурятского эпоса всегда называются черными хангайскими, что связывает их с покровителями охотников и тайги Хангаем [13, с. 28]. До недавнего времени у бурят для призывания охотничьего счастья перед охотой требовалось провести «кормление» оружия, насадив кусок бараньего курдюка или мяса на шомпол ружья, из которого потом выстреливали [7, с. 144]. Несомненно, смысл данного обряда демонстрирует ритуальное угощение не духа хозяина тайги Хангая, а самого охотничьего оружия (стрелы, ружья), так как считалось, что оно живое.

По поверьям тюрко-монгольских народов, любой предмет наделялся признаками одушевления — они могли обижаться, нарочно хуже или лучше служить, а также есть и пить. Поэтому орудия труда и охоты, также идола и онгоны требовалось угощать, обращаться к ним и просить верно служить. В связи с этим необходимо было периодически их угощать и смазывать жиром или кровью [10, с. 19].

Мотив «кормления» кровью входит не только в промысловые обряды, но также присутствует в цикле военных ритуалов. Окропление боевого оружия кровью встречалось во время инициаций молодого охотника-воина. Например, у якутов существовала традиция перед началом сражения проколоть копьем или стрелами сердце жертвы и, окрасив оружие кровью, вызывать и вселить дух войны, называемый *Илбис*. Окропление свежей кровью боевого оружия *сэби хааннааһын* проводилось перед каждым сражением. По представлению, подоб-

ное окровавленное оружие должно было само находить живое и поражать его насмерть [12, с. 253].

Аналогом якутского *Илбис* у монгольских народов является боевой дух *сульдэ*. *Сульдэ* — это душа, которая ассоциируется с гением войска, воплощаясь в знамя *туг*. Чтобы вселить боевой дух *сульдэ*, требовалось пролить кровь. Так, у киданей существовал ритуал перед отправкой в военный поход проливать кровь приготовленного в жертву человека (обычно преступника), когда тысячи воинов проезжали вокруг и осыпали его тучами стрел. Д. В. Цыбикдоржиев считает этот обряд трансформированным обрядом вверения войском своего *сульдэ* предку, в дальнейшем — богу войны. Стрела служит символом *сульдэ*, и выстрелить в жертву должен каждый воин [13, с. 263].

Возможно, заговоренная стрела, окропленная жертвенной кровью, наделялась свойством бить прямо в цель, не зная промаха, нести смерть и тем самым воплощала *сульдэ* самого воина, «впустившего» в себя духа войны, т. е. вошедшего в состояние боевого экстаза.

Следует отметить, что фольклор предбайкальских бурят изобилует преданиями, повествующими о шаманах, сражающихся посредством боевой ипостаси, которая ассоциировалась с поражающей способностью стрел. Подобная способность называлась термином *удха*, что находит аналогии с названием стрел у тюрко-монгольских народов. По мнению Скрынниковой, *удха* — от слова «укту» — «имеющий стрелу», а шаманы, как известно, обладали сакральной субстанцией, харизмой. Бурятское выражение *удха харбуулха* — быть сраженным шаманским *удха*, вероятно, означало «вселение харизмы, сакрального духа *сульдэ*». Как отмечает С. Б. Болхосоев, слово *удха* в шаманской традиции воспринималось как реальное оружие, боевая стрела, вооружение, поэтому со стрелой отождествлялась магическая сила шамана [3, с. 34–35].

В целом мотив «кровожадной» заговоренной стрелы отражает зашифрованные представления об инициации молодого охотника-воина, ритуалы обрядового «кормления» оружия и вселения духа войны посредством боевого экстаза во время военных сражений и битв.

Литература

1. Абай Гэсэр-хубун. Ч. II. Ошор Богдо и Хурин Алтай / подгот., пер. и прим. М. П. Хоимонова. Улан-Удэ, 1964. 230 с.
2. Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон. Бурятский героический эпос / сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 312 с.
3. Болхосоев С. Б. Избранничество: феномен шаманской наследственности *удха* у предбайкальских бурят. Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВО ВСГИК, 2016. 247 с.
4. Борджанова (Басангова) Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста, 2007. 592 с.
5. Бутанаев В. Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 188–197.
6. Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан, 2005. 200 с.
7. Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991. 172 с.

8. Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. 264 с.
9. Намжилова М. Н. Хоринские улигеры. Улан-Удэ, 1997. 120 с.
10. Обрядовая поэзия саха (якутов) / сост. Н. А. Алексеев, П. Е. Ефремов, В. В. Илларионов. Новосибирск, 2003. Т. 24. 512 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)
11. Уланов А. И. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, 2009. 220 с.
12. Ушницкий В. В. Воинские ритуалы и обряды якутов: илбис тэгэри (обряд вселения духа кровожадности в воина) // Народы и религии Евразии. Т. 3, № 3: Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической перспективе / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул, 2009. С. 249–257.
13. Цыбикдоржиев Д. В. Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ, 2003. 292 с.